

А. В. Буйских

НЕКОТОРЫЕ ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ БОРИСФЕНА И ОЛЬВИИ В VI в. до н.э.

Среди проблем, связанных с исследованием греческой колонизации Северного Причерноморья, до настоящего времени одними из наиболее дискуссионных остаются те, которые охватывают ее начальный период. Среди них разнообразные аспекты строительной деятельности в новооснованных колониях занимают далеко не последнее место. Они самым тесным образом связаны с вопросами социального и политического развития апойкий. В этом плане памятники Северо-Западного Причерноморья, прежде всего Борисфен и Ольвия, дают наибольшее количество информации. Ее интерпретация, однако, до сих пор вызывает значительные разногласия. На фоне того, что письменные источники по этому вопросу весьма ограничены, а количество эпиграфических памятников, которые могут внести какую-либо ясность в решение этих проблем, увеличивается медленно, обобщение растущего с каждым полевым сезоном археологического материала позволяет внести существенный вклад в их изучение.

На урбанистическое развитие Борисфена (поселение на о-ве Березань), а также становление его экономической и социально-политической структуры в настоящее время существуют следующие точки зрения. Дата основания Борисфена по Евсевию в 647/6 г. до н.э. (*Chron. Com.* 95b Helm) подтверждена немногочисленными пока находками восточногреческой расписной керамики середины – третьей четверти VII в. до н.э.¹ С конца третьей четверти этого столетия ее количество резко возрастает, и вся коллекция насчитывает уже не одну сотню фрагментов. При этом наиболее ранние из известных строительных остатков датируются лишь самым концом VII – началом VI в. до н.э.² Все они до конца третьей четверти VI в. до н.э., помимо колодцев и ям, представлены углубленными в материк полуземляночными жилыми и производственно-хозяйственными комплексами. Их общее количество в настоящее время превышает две сотни. Отсутствие строительных остатков ранее конца VII в. до н.э. послужило одной из причин появления варьировавшейся от исследователя к исследователю гипотезы о том, что полуостров первоначально служил местом только сезонных посещений милетян³, игравших роль своего рода пер-

¹ Ильина Ю.И. О новых находках восточногреческой керамики на острове Березань // *ΣΥΣΤΙΤΑ*. Памяти Ю.В. Андреева. СПб., 2000. С. 201 сл.

² Копейкина Л.В. Особенности развития Березанского поселения в связи с ходом колонизационного процесса // *Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья*. Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо, 1977. Тбилиси, 1979. С. 106–107; *Solovyov S.L. Ancient Berезан* / Ed. J. Boardman, G. Tsetsckhladze. *Colloquia Pontica*. 4. Leiden (Brill), 1999. P. 30.

³ Эта идея не нова, в свое время еще Э.Р. Штерн полагал, что на остров для сезонной рыбной ловли приплывали греческие моряки (Раскопки на острове Березани // *ОАК* за 1908 г. СПб., 1912). Эта точка зрения была в дальнейшем развита К. Ребаком, полагавшим, что во второй и третьей четвертях VII в. до н.э. отдельные греческие мореплаватели посещали северные берега Черного моря с целью сезонной рыбной ловли в результате каботажного плавания вдоль его западного побережья, сами же колонии были основа-

вопроходцев. Эта точка зрения в последнее время получила дальнейшее развитие у С.Л. Соловьева, полагающего, что немногочисленные керамические материалы, а главное, отсутствие следов постоянного обитания (в первую очередь жилищ) в течение практически всей второй половины VII в. до н.э. противоречат известной дате основания Борисфена по Евсевию. Сезонные же посещения Борисфена ионийскими купцами и их заинтересованность в новых рынках привели к появлению здесь первых поселенцев из среды местного населения – земледельцев и кочевников лишь в конце этого столетия⁴. Им же принадлежали и углубленные жилища, которые в конце третьей четверти VI в. до н.э. практически одновременно были сnivelированы, а над ними возведены регулярно распланированные кварталы жилых наземных сырцово-каменных домов с развитой внутренней планировкой⁵. Несмотря на это, на отдельных участках полуземляночная застройка велась вплоть до конца третьей четверти V в. до н.э., сосуществуя с наземными домами, однако находясь в стороне от регулярных кварталов. На этом основании С.Л. Соловьев сделал вывод о принадлежности наземных жилых домов греческому (ионийскому) этносу, а углубленных построек – варварам⁶.

Таким образом, очевидно, что урбанистическая структура поселения самым непосредственным образом связана с определением его социально-политического статуса, с одной стороны, и характером его колонизации, с другой. Кроме того, акцент традиционно делается на выяснение статуса Борисфена двух исторических этапов: вторая половина VII – первые три четверти VI в. до н.э., последняя четверть VI – первая треть V в. до н.э.⁷ Кроме того, существует еще один хронологический репер – основание Ольвии, с которым, в зависимости от взглядов исследователей на ее раннюю историю, соотносится и политическое развитие Борисфена. Среди исследователей до настоящего времени нет согласия по поводу времени становления Ольвии как города и центра государства – Ольвийского полиса, в связи с чем и определение политического и экономического статуса самым тесным образом связанного с ней Борисфена имеет достаточно подвижные хронологические и смысловые рамки. К настоящему времени четко оформилось несколько основных точек зрения на статус Борисфена, к которым с теми или иными изменениями примыкает большинство исследователей.

Согласно одному мнению, апойкию, выведенную в Борисфен, следует интерпретировать как эмпорий, возникший в результате торговой экспансии Милета. Соответственно колонизация этого региона в указанное время имела

ны уже следующим поколением; *Roebuck C. Ionian Trade and Colonisation. N.Y., 1959. P. 119, 127–128; см. также Исцен А.А. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947. С. 56–57. В последнее время к теме доколониционных посещений Березани обратилась А.С. Русяева, полагавшая, что первоначально это «могли быть и политические изгнанники, и первые посланцы (своего рода разведчики) для поисков удобных земель для последующей колонизации...» (Русяева А.С. Милет – Дидимы – Борисфен – Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1986. № 2. С. 35.*

⁴ *Solovyov. Ancient Verezan. P. 3, 29–30; Соловьев С.Л. Из истории полисов Нижнего Побужья: Борисфен и Ольвия // Античное Причерноморье. СПб., 2000. С. 96–97.*

⁵ *Solovyov. Ancient Verezan. P. 64; Соловьев. Из истории полисов... С. 98.*

⁶ *Solovyov. Ancient Verezan. P. 111–112.*

⁷ *Доманский Я.В., Виноградов Ю.Г., Соловьев С.Л. Основные результаты работ Березанской экспедиции // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Л., 1989. С. 36–38.*

торговый характер⁸. Это уточнение имеет принципиальный характер, поскольку идея о торговой направленности колонизации Березани в отечественной литературе была сформулирована в период доминирования идеи «эмпориального периода» в истории греческой колонизации Северного Понта. Одним из концептуальных положений этой теории являлось предположение об обязательном существовании местного поселения, одновременного с основанием греческой апойкии⁹, что нигде не подтвердилось в процессе дальнейших исследований и поэтому было отвергнуто для абсолютного большинства памятников¹⁰.

Тем не менее для Березани положение об ее основании как эмпория частью исследователей было оставлено в силе. Однако Л.В. Копейкина, наиболее последовательно развивавшая эту точку зрения, сама сознательно отмежевывается от основных постулатов эмпориальной теории, сформулированных историографией 1950-х годов: «Мы присоединяемся к мнению тех исследователей, которые считают Березань эмпорием. Однако это вовсе не значит, что колонизационному движению в Северном Причерноморье предшествовал эмпориальный период...»¹¹. Согласно ее мнению, во второй половине VI в. до н.э. на Березани появились наземная жилая застройка и регулярная система город-

⁸ В западной литературе идея торговой направленности северопричерноморских колоний, прежде всего, для торговли хлебом и заготовки рыбы, на основании первых выводов Э.Р. Штерна (Ук. соч. С. 87) в наиболее полной форме была развита Е. Миннзом (*Minns E.G. Scythians and Greeks. Cambr., 1913. P. 410 f.*) и М. Ростовцевым (*Rostovtzeff M. Iranians and Greeks in South Russia. Oxf., 1922. P. 41–43*), поддержана и окончательно сформулирована Ребаком (Op. cit. P. 122 f.) и Грэхемом (*Graham A.J. Colony and Mother City in Ancient Greece. Manchester, 1964. P. 109*). В отечественной литературе эта идея получила развитие у А.А. Иессена, ставшего своего рода предвестником «эмпориальной теории». Он, правда, отрицал, рыболовецкую направленность первых поселений (Иессен. Ук. соч. С. 53 сл.). Идеи эти, при всей их безусловной ценности, базируются тем не менее на давно устаревших или не всегда верно интерпретированных археологических данных, в результате чего в настоящее время имеют лишь историографический интерес. Недавно идея о доминировании рыбной ловли и ее абсолютном превалировании в экономике Борисфена этапа колонизации была возрождена Г. Цецхладзе (*Tsetskhladze G. Greek Colonisation of the Black Sea Area: Stages, Models and Native Population // The Greek Colonisation of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archaeology / Ed. G.R. Tsetskhladze. Stuttgart, 1998 (Historia Einzelschriften. 121). P. 10, 68*).

⁹ Блаватский В.Д. Арханческий Боспор // МИА. 1954. 33. С. 7, 15. Относительно Березани см. Капоишина С.И. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья // МИА. 1956. 50. С. 253 сл.; она же. Ранние этапы греческой колонизации Нижнего Побужья // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959. С. 273–274.; Доманский Я.В. Из истории населения Нижнего Побужья в VII–IV вв. до н.э. // АСГЭ. Вып. 2. 1961. С. 35–38.

¹⁰ В наиболее последовательной и категорической форме наличие эмпориального периода в Северном Причерноморье и, прежде всего в Борисфене, отрицал В.В. Лапин, «расштававший лодку» этой концепции (Лапин В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966. С. 86 сл.).

¹¹ Копейкина. Особенности развития Березанского поселения... С. 109. Поэтому критика положений С.Л. Соловьева относительно наличия эмпория на Березани и упрек в том, что эта идея напоминает давно отброшенную «эмпориальную теорию» В.Д. Блаватского, прозвучавшая недавно (Виноградов Ю.А. Греческая колонизация и греческая урбанизация Северного Причерноморья // *Stratum*. 1999. № 3. С. 108), мне представляется не совсем корректной. В данном случае, не С.Л. Соловьев, прикнувший к этой точке зрения о наличии эмпория и развивший ее далее, а Л.В. Копейкина является автором этой идеи, наблюдения которой над экономическим развитием Борисфена были подкреплены материалами ее исследований. Другое дело, что С.Л. Соловьев конкретизировал эту точку зрения в русле, целиком противоположном тому, которое развивала Л.В. Копейкина.

ской планировки. Этот факт свидетельствует о том, что Борисфен «принимает черты городского типа», однако «это еще не аргумент в пользу полисного устройства». Значительный интерес представляет и вывод Л.В. Копейкиной о том, что Березанское поселение «никогда не было полностью самостоятельным и независимым образованием»¹². Здесь Л.В. Копейкина следовала за Ю.Г. Виноградовым (см. ниже), полагая также, что во второй половине VI в. до н.э. Березанское поселение «вошло в состав Ольвийского полиса и служило своеобразными торговыми воротами для Ольвии», а в VII и первой половине VI в. до н.э. оно служило «непосредственной сырьевой базой для Милета, и, следовательно, даже при наличии самоуправления находилось в зависимости от своей метрополии»¹³.

Отдельную позицию относительно статуса Борисфена занимал Ю.Г. Виноградов, видевший в нем эмпорий, входивший в состав Ольвийского полиса от момента основания Ольвии, которое он относил ко времени около 600 г. до н.э. Об их отношениях в ранний период он высказывался с большей осторожностью: «...мы можем лишь гадать о политическом статусе и взаимоотношениях Березани и Ольвии в первой половине VI в.»¹⁴. Факт же появления на Березани регулярной планировки, с его точки зрения, является бесспорным свидетельством «того, что в реорганизации района непосредственно участвовало государство в лице его соответствующих магистратов»¹⁵. Обращает на себя внимание, что Ю.Г. Виноградов, отвергая саму идею эмпориального периода, утверждал, что «апойкия на Березань выводилась как запрограммированный в метрополии полис» с соответствующей гражданской общиной, поскольку ничем другим с точки зрения социальной организации она в принципе не могла являться¹⁶. Таким образом, автор, отвергая необходимость изначального наличия эмпория в Борисфене и признавая необходимость социальной организации коллектива переселенцев по полисному принципу как единственно возможному, тем не менее нигде прямо так и не назвал Борисфен второй половины VII – первой половины VI в. до н.э. полисом. Более того, помимо этих общих положений, им не было приведено ни одного реального доказательства о существовании в это время полиса на Березани, кроме, разве что, упоминания о наличии «березанской хоры»¹⁷. Видимо, не случайно поэтому Л.В. Копейкина, следовавшая за Ю.Г. Виноградовым, в поисках более точного определения статуса Березанского поселения первого периода его существования, полагала, что «возможно, в нем было какое-то самоуправление, но то, что оно долго служило сырьевой базой для метрополии, определяло его зависимость от нее»¹⁸.

Итак, Виноградовым и Копейкиной была сформулирована концепция, согласно которой на первом этапе Борисфен представлял собой не эмпорий, но организованную, самоуправляемую общину, зависимую (Л.В. Копейкина) или независимую (Ю.Г. Виноградов) от метрополии, организация которой, скорее всего, должна была строиться по полисному принципу. На втором этапе (от возникновения Ольвии) Борисфен представлял собой ольвийский эмпорий и являлся составной частью Ольвийского полиса. Вторая не менее четко оформленная

¹² Копейкина Л.В. Особенности развития поселения на о. Березань в архаический период // СА. 1981. № 1. С. 208.

¹³ Там же.

¹⁴ Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989. С. 67–68.

¹⁵ Там же. С. 64–65.

¹⁶ Там же. С. 62, 67–68.

¹⁷ Там же. С. 62.

¹⁸ Копейкина. Особенности развития Березанского поселения... С. 111.

концепция принадлежит С.Л. Соловьеву. Согласно его мнению, от момента своего основания в конце VII в. до н.э. и в течение трех первых четвертей VI в. Борисфен представлял собой эмпорий, а от начала последней четверти этого столетия – полис, который позднее, лишь к середине V в. до н.э. влился в Ольвийский¹⁹.

В этой связи представляется необходимым хотя бы кратко упомянуть также о многолетней дискуссии, связанной с трактовкой терминов Βορυσθευϊτέων ἔμφοριον и Βορυσθένης ἔμφοριον у Геродота (Herod. IV. 17. 24). В отечественной историографии существует несколько точек зрения по этому поводу, последняя из которых принадлежит Ю.Г. Виноградову, относившему первый к Березани, а второй – к Ольвии²⁰. В западноевропейской же литературе (это касается теоретических разработок Копенгагенского полис-центра) в последнее время наметилась тенденция к отнесению обоих пассажей Геродота только к Ольвии.

Так, согласно М.Х. Хансену, в классическое время были общины, имевшие эмпорий, и общины, бывшие сами по себе эмпориями. Поэтому Ольвия, с его точки зрения, дает пример именно того, как город, будучи центром полиса и имея торговую гавань, одновременно мыслится и как эмпорий – место международной торговли. При этом, эмпорий Ольвии или Борисфена (здесь Хансен ставит знак равенства, исходя из своей трактовки указанных пассажей Геродота) предлагается разместить в Нижнем городе, возле гавани²¹. К аналогичному выводу пришел также и Дж. Хайнд²². В этой связи следует также упомянуть и точку зрения Дж. Вильсона о том, что «emporion was any settlement involved in commercial activity»²³. Последнее заключение не вызывает никаких принципиальных возражений.

Итак, очевидно, что по Хансену, большинство эмпориев были полисами, имеющими эмпорий. С другой стороны, поселения, классифицируемые как полис и эмпорий одновременно, являются зависимыми полисами, а не автономными, как Афины, Коринф или Эгина. Именно в этом, согласно концепции Хансена, видна «объективная разница» между автономным полисом с эмпорием – Эгиной и эмпорием-полисом – Ольвией²⁴. Следовательно, исходя из такого предположения, следует признать не только Ольвию, но и все причерноморские колонии зависимыми полисами. Однако тот же Хансен замечает, что большинство колоний (апоикий) были политически независимы от своих материнских полисов²⁵. Снять имеющееся противоречие, как представляется, можно, сравнивая Оль-

¹⁹ Соловьев. Из истории полисов... С. 105–106.

²⁰ С анализом соответствующей литературы см. Виноградов Ю.Г. О политическом единстве Березани и Ольвии // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 80 сл.

²¹ Hansen M.H. *Emporion. A Study of the Use and Meaning of the Term in the Archaic and Classical Periods* // Yet More Studies in the Ancient Greek Polis / Ed. Th.H. Nielsen. Stuttgart, 1997 (Historia Einzelschriften. 117). P. 86, 102–103.

²² Hind J. Colonies and Ports-on-Trade on the Northern Shores of the Black Sea: Borysthenes, Kremnoi and the «Other Pontic Emporia» in Herodotos // Yet More Studies in the Ancient Greek Polis / Ed. Th.H. Nielsen. Stuttgart, 1997 (Historia Einzelschriften. 117). P. 110 f.

²³ Wilson J.-P. The Nature of Greek Overseas Settlements in the Archaic Period. *Emporion or Apoikia?* // The Development of the Polis in Archaic Greece / Ed. L.G. Mitchell, P.J. Rhodes. L.–N.Y., 1997. P. 205.

²⁴ Hansen. *Emporion*.... P. 104.

²⁵ Hansen M.H. *The Hellenic Polis // A Comparative Study of Thirty City-State Cultures* / Ed. M.H. Hansen. Copenhagen, 2000. P. 143.

вию не с Эгиной, успешно конкурировавшей с Афинами, а с другими понтийскими полисами, в том числе, своим ближайшим окружением. Тогда становится очевидным, что вплоть до митридатовского времени Ольвия сохраняла политическую независимость не только от своей метрополии, но и соседних черноморских полисов.

В связи с тем, что термин «эмпорий» применяется только к Ольвии, а не в отношении Борисфена (Березани), следует подробнее рассмотреть, как же в таком случае указанные авторы определяют поселение на о-ве Березань. Согласно Хайнду, «it was the initial settlement of the Milesians in the estuary, the first tentative *apoikia* founded some time in the late seventh century»²⁶. В связи с этим возникает совершенно закономерный вопрос: что же такое «tentative *apoikia*», в какой части греческой ойкумены были основаны еще такие апойкии, и чем они отличались от обычных апойкий? Введение каждого нового термина следует обосновывать, поскольку расширение терминологического аппарата без особой необходимости не способствует решению проблемы.

Методический подход Хансена, вполне возможно и приемлемый для ситуации, сложившейся в V в. до н.э., не дает тем не менее ясного представления о том, каким был характер Березанского поселения во второй половине VII в. до н.э. Хансен предлагает следующее определение для Березани – «trading post without *chora*», оговариваясь при этом, что хора не является необходимым условием для существования полиса²⁷. При этом автор также не объясняет, чем же такой «trading post» отличается, в частности, от эмпория, также хору не имевшего, с одной стороны, и за счет чего мог существовать колониальный полис – с другой.

Проблема заключается в том, что между выведением колонии в Борисфен (Березань, а не Ольвию) и временем написания труда Геродота – порядка двух столетий. И то, что смысловая нагрузка этого термина, равно как и само функциональное назначение эмпория в течение этого времени вполне могли подвергнуться определенным изменениям, также допустимо. Однако в любом случае вывод о том, что понятие «эмпорий» тождественно понятию «полис» по Геродоту не дает ответа на вопрос о том, каким же был этот эмпорий с точки зрения его внутренней организации и мог ли он вообще существовать в более раннее время на Березани.

У приверженцев идеи эмпориального характера Борисфена имеются также весьма различные представления об этническом составе его обитателей. Согласно одной точке зрения, население эмпория в основном относилось к греческому, точнее ионийскому, этносу, основу которого составляли милетские колонисты²⁸. Согласно другой – эмпорий трех первых четвертей VI в. до н.э. был в основном заселен выходцами из окружающего варварского мира, заинтересованных в торговых операциях с милетянами²⁹. Основным индикатором физического присутствия варваров для сторонников этой точки зрения является прежде всего широкое распространение углубленных жилищ³⁰. Комплексный ана-

²⁶ Hind. Op. cit. P. 111.

²⁷ Hansen. *Emporion...* P. 102–104.

²⁸ Копейкина. Особенности развития Березанского поселения... С. 107; она же. Элементы местного характера в культуре Березанского поселения архаического времени // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо, 1979. Тбилиси, 1981. С. 170.

²⁹ Solovyov. *Ancient Berezan*. P. 30.

³⁰ Доманский. Из истории населения... С. 37.

лиз «варварского материала» с Березани позволил тем не менее в свое время Л.В. Копейкиной прийти к выводу о том, что «...памятники аборигенного типа составляют сравнительно небольшой процент по сравнению с греческим», «...постоянно на острове жило очень немного туземцев», и это, несмотря на то что идея использования землянок «...греками, видимо, была заимствована у туземного населения, скорее всего – у лесостепных скифов»³¹. С.Л. Соловьев к этим аргументам добавил еще следы местного производства ремесленных (прежде всего металлических) изделий, способных, согласно его мнению, удовлетворять вкусы варварского населения, и пришел к полностью противоположному выводу о массовом присутствии варваров в березанском эмпории, а следовательно, принадлежности им практически всех углубленных жилищ вплоть до конца третьей четверти VI в. до н.э. К материальным отражениям эллинской культурной традиции им отнесены «главным образом, предметы античного импорта, по преимуществу керамического, в составе которого в свою очередь численно преобладали амфоры»³².

Идею торговой направленности колонизации Северо-Западного Причерноморья и соответственно наличие эмпория на Березани, как и всего эмпориального периода в целом, активно отвергал В.В. Лапин, согласно мнению которого поселение было основано в ходе аграрной колонизации и от момента основания имело производящий, аграрно-ремесленный профиль³³. Не все идеи В.В. Лапина, вызвавшие после выхода его книги ожесточенные дискуссии, выдержали проверку временем, однако многие из них получили в дальнейшем развитие у ряда исследователей. Среди них в частности идея о том, что от полужемлянок начинается непрерывная линия развития домостроительства северопричерноморских греческих поселений; тезис о том, что «политическое единство Ольвии и Березани, вхождение последней в Ольвийский полис, представляется весьма вероятным»; предположение о том, что «коллектив первопоселенцев Березани представлял собой именно коллектив, т.е. общество людей, организованных соответственно их целям и задачам еще в метрополии и сохранивших эту организацию на новом месте»³⁴.

В развитие этих идей С.Д. Крыжицкий и В.М. Отрешко полагали, что Борисфен нельзя рассматривать в качестве только торговой фактории, его колонисты с самого начала, вероятнее всего, были организованы в гражданскую общину – полис. В качестве дополнительных аргументов ими было приведено и появление аграрных поселений в первой половине VI в. до н.э., основанных «березанскими выходцами» в районе Березанского лимана³⁵. Сам же Борисфен начального этапа своего существования был охарактеризован ими как полугородской населенный пункт, в котором «деревенских черт было, судя по всему, вначале больше»³⁶. К мнению о «зарождении здесь полисной структуры» склоняется и А.С. Русяева, в пользу чего, помимо наличия сельскохозяйственных поселений, она приводит и такие аргументы, как «установление и почитание культа Апол-

³¹ Копейкина. Элементы местного характера... С. 170–171.

³² Solovev S. Archaic Berezan: Historical-Archaeological Essay // The Greek Colonisation of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archaeology / Ed. G.R. Tsetskhladze (Historia Einzelschriften. 121). Stuttgart, 1998. P. 212–217; Соловьев. Из истории... С. 97.

³³ Лапин. Ук. соч.. С. 122 сл.

³⁴ Там же. С. 79–80, 102, 108, 147.

³⁵ Крыжицкий С.Д., Отрешко В.М. К проблеме формирования Ольвийского полиса // Ольвия и ее округа. Киев, 1986. С. 10–11.

³⁶ Там же. С. 11–12.

лона Врача», а также «выпуск монет-стрелок с начала VI в. до н.э.»³⁷. Апойкия в Борисфене определена ею как «микрполис» или «небольшой своеобразный полис-государство»³⁸, с чем, в свою очередь, не согласились С.Д. Крыжицкий и В.М. Отрешко в силу неясности содержания предложенного термина³⁹. Термином «протополис» предложил определять Борисфен от начала VI в. до н.э. В.П. Яйленко⁴⁰, что также вызвало критику у Ю.Г. Виноградова⁴¹. Идеи о том, что Борисфен имел статус полиса, в зарубежной науке развивали Б. Браво и следовавшая за ним А. Вонсович⁴². Итак, согласно третьей концепции, основоположником которой является В.В. Лапин и которой с теми или иными вариантами придерживается немалое число исследователей, Борисфен изначально был основан в качестве полиса, а в конце третьей четверти VI в. до н.э. вошел в состав Ольвийского полиса.

В отношении Ольвии высказывалось не меньше, если не больше противоречивых идей. К началу 1980-х годов оформились две основные точки зрения по поводу ее основания. Ю.Г. Виноградов датировал это событие по наиболее ранним находкам рубежом VII–VI вв. до н.э.⁴³ Отсутствие синхронных строительных остатков или соответствующего культурного слоя, послужили С.Д. Крыжицкому и В.М. Отрешко причиной для датировки основания Ольвии от 550 г. до н.э.⁴⁴ Впоследствии эта проблема была подвергнута специальному комплексному анализу, в результате чего был сделан вывод, что жизнь на месте Ольвии возникла не ранее 90–80-х годов VI в. до н.э.⁴⁵ Эта точка зрения уже получила поддержку⁴⁶.

Что касается строительной деятельности, то, несмотря на присутствие керамических материалов первой половины VI в. до н.э., наиболее ранние строительные остатки, представленные немногочисленными полуземляночными жилищами, обычно датировались лишь серединой этого столетия⁴⁷. Возможность существования застройки, относящейся еще к первой половине – середине VI в. до н.э., не отвергалась, хотя в течение длительного времени не была подтверж-

³⁷ Руслева. Милет – Дидимы – Борисфен – Ольвия... С. 49–51.

³⁸ Руслева А.С. Деякі риси культурно-історичного розвитку Північно-Західного Причорномор'я в VII–V ст. до н.е. // Археологія. 1979. № 30. С. 3–4.

³⁹ Крыжицкий, Отрешко. Ук. соч. С. 10.

⁴⁰ Яйленко В.П. Греческая колонизация VII–III вв. до н.э. М., 1982. С. 266.

⁴¹ Виноградов Ю.Г. Политическая история... С. 61.

⁴² Wasowicz A. Olbia Pontique et son territoire. L'aménagement de l'espace. P., 1975. P. 34.

Эта точка зрения и ее аргументация по-разному были приняты в отечественной науке – И.Б. Брашинский и Ю.Г. Виноградов с нею не согласились, а А.С. Руслева оставила без критических замечаний – Брашинский И.Б. Рец. на кн.: Wasowicz A. Olbia Pontique et son territoire. L'aménagement de l'espace (Centre de recherches d'histoire ancienne, vol. 13. Annales littéraires de l'université de Besançon, 168). P., 1975 // СА. 1977. № 3. С. 303–304; Виноградов Ю.Г. Политическая история... С. 66–67; Руслева. Деякі риси... С. 6.

⁴³ Виноградов Ю.Г. О политическом единстве... С. 81; он же. Политическая история... С. 79.

⁴⁴ Крыжицкий, Отрешко. Ук. соч. С. 6 сл.

⁴⁵ Виноградов Ю.Г., Доманский Я.В., Марченко К.К. Сопоставительный анализ письменных и археологических источников по проблеме ранней истории Северо-Западного Причерноморья // Причерноморье в VII–V вв. до н.э. Материалы V Международного симпозиума по древней истории Причерноморья. Вани, 1987. Тбилиси, 1990. С. 84.

⁴⁶ Руслева А.С. К вопросу об основании ионийцами Ольвии // ВДИ. 1998. № 1. С. 169.

⁴⁷ Там же. С. 19; Лейтунская Н.А. Жилой район Ольвии к юго-западу от агоры (1972–1977 гг.) // Ольвия и ее округа. Киев, 1986. С. 30.

дена документированными данными⁴⁸. В настоящее время следует считать надежно установленным, что переход от массового земляночного строительства к наземному сырцово-каменному занял не менее полустолетия и, начавшись еще в последней четверти VI в. до н.э., был закончен лишь к концу первой четверти V в. до н.э.⁴⁹ Кроме того, рубежом третьей – четвертой четвертей VI в. до н.э. следует датировать возникновение Восточного теменоса и, вероятно, агоры. Эти данные позволили С.Д. Крыжицкому и В.М. Отрешко обосновать точку зрения о том, что возникновение Ольвийского полиса со всеми присущими ему государственными структурами следует относить ко времени не ранее 535–525 гг. до н.э. До этого же времени «в градостроительном аспекте Ольвия ... не имела каких-либо видимых отличий от рядовых сельских поселений»⁵⁰. Можно вспомнить также и мнение В.В. Лапина о том, что на раннем этапе Ольвия представляла собой ряд мелких поселений, группирующихся вокруг одного, более крупного⁵¹. О том, что Ольвия не отличалась от окружающих сельских поселений, писала также и А. Вонсович⁵². Такие представления о ранней Ольвии вызвали полемику и подвергались критике, причем каждый раз на основании новых аргументов⁵³.

Тем не менее отсутствие наземных каменных построек жилого назначения позволило сделать вывод о том, что Ольвия, став центром полиса в последней четверти VI в. до н.э., «не стала одновременно городом», в градостроительном аспекте оставалась «полугородским центром», а ее «первичная урбанизация» закончилась лишь на рубеже первой – второй четвертей V в. до н.э.⁵⁴ Отсутствие четкой планировочной организации позволило предположить и отсутствие регулирующего начала, что в свою очередь послужило основанием для вывода о стихийности процесса основания и освоения Ольвии⁵⁵. Критикуя последний вывод, Ю.А. Виноградов недавно отметил, что «политическая организация в Ольвии, а надо думать – и в других северопричерноморских центрах, опережала в своем развитии процесс урбанизации»⁵⁶. Нельзя не вспомнить

⁴⁸ *Крыжицкий С.Д., Русяева А.С.* Найдавніші житла Ольвії // *Археологія*. 1978. Вип. 28. С. 22. Аргументы Л.В. Колейкиной в пользу того, что сырцово-каменные сооружения в центральной части Верхнего города Ольвии синхронны началу наземного строительства на Березани (*Колейкина Л.В.* Новые данные об облике Березани и Ольвии в архаический период // *СА*. 1972. № 2. С. 195), не были признаны достоверными, см. *Крыжицкий, Русяева*. Ук. соч. С. 19; *Крыжицкий, Отрешко*. Ук. соч. С. 6.

⁴⁹ *Крыжицкий С.Д.* Жилье дома античных городов Северного Причерноморья. Киев, 1982. С. 46.

⁵⁰ *Крыжицкий, Отрешко*. Ук. соч. С. 5–6.

⁵¹ *Лапин*. Ук. соч. С. 176.

⁵² *Wasowicz*. Op. cit. P. 41.

⁵³ *Брашинский*. Рец. на кн.: *Wasowicz A.* Olbia Pontique... С. 301; *Виноградов Ю.А.* Политическая история... С. 65; *Виноградов Ю.А.* Ук. соч. С. 106. С критикой И.Б. Брашинского в адрес А. Вонсович в свое время не согласилась А.С. Русяева, которая предложила различать раннюю Ольвию, мало чем отличающуюся от рядовых сельских поселений (вслед за А. Вонсович), и Ольвию, состоявшую на раннем этапе из системы деревень (вслед за В.В. Рубаном, повторившим точку зрения В.В. Лапина); *Русяева*. Деякі риси... С. 6.

⁵⁴ *Крыжицкий, Отрешко*. Ук. соч. С. 13–14. См. также мнение о том, что в истории Ольвии выделяется «то время, когда она еще не являлась ни городом, ни государством, а была просто поселением»: *Крыжицкий С.Д., Лейпунская И.А.* Нижнее Побужье в архаическое время // *Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье*. Киев, 1999. С. 88.

⁵⁵ *Крыжицкий, Отрешко*. Ук. соч. С. 8.

⁵⁶ *Виноградов Ю.А.* Ук. соч. С. 107–109, см. также *Крыжицкий, Отрешко*. Ук. соч. С. 13.

также и мнение Ю.Г. Виноградова, полагавшего, что «Ольвия как городской центр нового государства начинает складываться в целом с середины VI в. до н.э., т.е. с того момента, когда были распланированы получившие в дальнейшем развитие все основные элементы монолитной урбанистической структуры»⁵⁷.

Здесь я считаю необходимым особо подчеркнуть, что абсолютное большинство упомянутых выше выводов, за исключением, пожалуй, сформулированных в последней работе Ю.А. Виноградова, базируется на уже успевшей устареть базе данных. Со второй половины 1980-х годов в печати появилась целая серия публикаций А.С. Русяевой, в которой введены в научный оборот материалы проводившихся ею многолетних исследований Западного теменоса Ольвии. Так, установлено, что практически в центре Верхнего города, к северо-западу от теменоса, открытого А.Н. Карасевым и Е.И. Леви (Восточного), значительная часть территории была вычленена из зоны будущей жилой застройки и отведена под сакральную зону. Центральным на нем явился культовый участок, посвященный Аполлону Врачу. На основании археологического материала, происходящего с уровня древней дневной поверхности, и наиболее ранним строительным остаткам в виде культовых вымоستков и примитивных алтарей, А.С. Русяева пришла к выводу о том, что отправление культов началось здесь не позднее начала второй четверти VI в. до н.э., что, таким образом, синхронно началу жизнедеятельности на территории городища⁵⁸. Исходя из этих результатов, а также установленном ею полисным характере культа Аполлона Врача, покровителя колонизации, А.С. Русяева изменила свои прежние взгляды на раннюю Ольвию и сделала вывод о том, «что здесь с самого начала был запланирован город»⁵⁹. В связи с этим следует вспомнить высказывавшуюся задолго до того точку зрения И.Б. Брашинского о том, что «поселение на месте будущей Ольвии с самого начала рассматривалось колонистами как ядро будущего города. Развитие Ольвии по сравнению с прочими поселениями микрорайона с самого начала протекало в особом направлении». При этом, правда, он оговорился: «...то, что мы сейчас знаем об Ольвии начала – первой половины VI в. до н.э., не дает оснований видеть в ней крупный городской центр»⁶⁰.

В последнее время идея о том, что Ольвия первоначально не отличалась от поселений хоры активно развивается С.Л. Соловьевым. Согласно его мнению, на раннем этапе Ольвия, будучи рядовым поселением (Парутинское поселение, по определению С.Л. Соловьева), представляла собой крайний наблюдательный пункт для защиты северных рубежей хоры Борисфена⁶¹. Им же определена граница между Ольвийским полисом, возникшим в конце VI в. до н.э., и Березанским, существовавшим вплоть до середины V в. до н.э., проходившая по Аджигольской балке в 18 км юго-западнее Ольвии⁶². Следовательно

⁵⁷ Виноградов Ю.Г. Политическая история... С. 62.

⁵⁸ Русяева. Милет – Дидимы – Борисфен – Ольвия... С. 42; она же. Новые данные о культе Аполлона Врача в Ольвии // Античные древности Северного Причерноморья. Киев, 1988. С. 166 сл.; *Rusjaeva A.S. Les temene d'Olbia à la lumière de son histoire au Vie siècle av.n.è., Religions du Pont-Euxin // Actes du VIIIe Symposium de Vani (Colchide) – 1997 / Ed. O. Lordkipanidzé, P. Lévêque. P., 1999. P. 76 ff.*

⁵⁹ Русяева. Милет – Дидимы – Борисфен – Ольвия... С. 52.

⁶⁰ Брашинский. Ук. соч. С. 301–302.

⁶¹ *Solovev. Archaic Berezan... P. 205 ff.; Solovyov. Ancient Berezan. P. 87, 96; Соловьев. Из истории полисов... С. 95 сл.*

⁶² Соловьев. Из истории полисов... С. 101–102.

но, около трех четвертей столетия эти два полиса сосуществовали в непосредственной близости. Упорное желание видеть в Ольвии только «Паутинское поселение» привело С.Л. Соловьева и к новой интерпретации известного эпиграфического документа – письма Ахиллодора – на основании простого допущения, что единственным городом, где жил его адресат и который мог быть упомянут в письме, являлся Борисфен⁶³. Сама по себе такая гипотеза может иметь право на существование, однако ее аргументация основана на замалчивании известных фактов, связанных с развитием урбанистических процессов в Ольвии, значительно активизировавшихся во второй половине VI в. до н.э., т.е. во время написания этого письма. Эта позиция, особенно определение ранней Ольвии как рядового поселения в свете новейших открытий, явилась уже объектом критики Ю.А. Виноградова, верно отметившего, что С.Л. Соловьев «не придает никакого значения тому, что в Ольвии ... уже в 80–60-х годах VI в. до н.э. существовал теменос со святилищами Аполлона Врача и Матери Богов»⁶⁴.

Итак, на развитие урбанистических и политических процессов в Ольвии также существуют различные, а иногда и полностью противоположные точки зрения. Согласно одной, Ольвия изначально планировалась как город и центр полиса (Ю.Г. Виноградов, А.С. Русяева, Ю.А. Виноградов). Согласно другой, на раннем этапе она не выделялась среди массы других сельскохозяйственных поселений и лишь в конце последней трети VI в. до н.э. приобрела функции полиса, став городом в урбанистическом смысле еще позднее – в начале V в. до н.э. Этой концепции с различными вариантами придерживаются В.В. Лапин, А. Вонсович, С.Д. Крыжицкий, В.М. Отрешко, С.Л. Соловьев. Если сопоставить эти выводы с рассмотренными выше основными точками зрения на урбанистическое и политическое развитие Борисфена, то становится очевидным, что во многих случаях они противоречат друг другу. Так, по Соловьеву, Борисфен становится полисом только после возникновения регулярной городской планировки, наземной сырцово-каменной застройки и собственной сельскохозяйственной округи. С.Д. Крыжицкий, В.М. Отрешко, А.С. Русяева, А. Вонсович полагали, что Березань могла являться или являлась полисом и в период существования полужемляночной застройки. Согласно С.Д. Крыжицкому и В.М. Отрешко, практически одновременно Ольвия становится центром полиса также при отсутствии сплошной наземной застройки, но при наличии теменоса и, вероятно, агоры, а также собственной сельскохозяйственной округи. Городом же в полном смысле она становится лишь после полного исчезновения земляночного домостроительства. Сказанное свидетельствует о том, что у исследователей отсутствуют единые критерии выделения полиса как города – урбанистической структуры и как центра государства.

В этой связи представляется полезным рассмотреть, на основании каких критериев выделяется полис-город (урбанистическая структура) и полис-государство (социально-политическая структура) в современных теоретических разработках. Наиболее четко они сформулированы М. Хансеном в одной из последних разработок копенгагенского Полис-центра⁶⁵. В значении «поселение» термин «полис» использовался для определения маленького и укрепленного поселения (акropolis); урбанистического центра (asty); города и его хин-

⁶³ Solovyov. Ancient Berezan. P. 84–87.

⁶⁴ Виноградов Ю.А. Ук. соч. С. 108.

⁶⁵ Hansen M.H. The Hellenic Polis // A Comparative Study of Thirty City-State Cultures. An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre / Ed. M.H. Hansen. Copenhagen, 2000. P. 152 ff.

терланда (*chora*). В значении «община» полис может определять граждан (*politai*), народное собрание (*ekklesia*) или политическую общину в более абстрактном смысле (*koionia*). При этом подчеркивается разное значение термина «хора» в его сочетании с полисом – городом и полисом – государством. Если «полис» употреблялся в значении «государство», то «хора» определяет территорию, частью которой был этот полис (город). Когда термин «полис» используется в смысле «город», то «хора» обозначает ближайшее окружение или хинтерланд, в смысловом отношении противоположный этому городу (полису). С точки зрения М.Х. Хансена, каждый полис-город был урбанистическим центром полиса-государства, а каждое полис-государство имело центр в виде одного города-полиса. При этом, однако, допускается, что в отдельных случаях термином «полис» определялся также и урбанистический центр, который одновременно не являлся полисом в политическом смысле. Например, у Фукидида (Thuc. 4. 54. 1–2) таким полисом (городом) названа Скандея, гавань Киферы, полиса, название которого было одноименно острову⁶⁶. Наконец, весьма полезным представляется заключение о том, что колониальные полисы (государства), основанные на автаркичности, представляли собой прежде всего сельскохозяйственные общины. Их выведение было связано с определенными и необходимыми формальностями, в том числе консультацией оракула – при этом специально оговорено, что такую информацию дают источники лишь классического времени. Что же касается эмпориев, то они, наоборот, являются результатом неформального основания, без соблюдения той необходимой процедуры, которая известна по литературным моделям⁶⁷.

Переходя к рассмотрению данных, касающихся урбанистического развития Ольвии, считаю необходимым отметить, что длительное время вывод А.С. Русевой о ранней датировке строительной деятельности в городе основывался только на единичных объектах культового назначения и не был поддержан другими синхронными сооружениями, прежде всего жилыми и хозяйственными. Только работы последнего десятилетия в юго-восточной части Верхнего города позволили считать надежно установленным фактом, что точку отсчета начала строительной деятельности на территории Ольвии следует действительно передвинуть на вторую четверть VI в. до н.э.⁶⁸ Этим временем, скорее всего не позднее 70–60-х годов, датируется начало строительства углубленных в материк полуземляночных сооружений и хозяйственных ям. Время гибели наиболее ранних из них не выходит за пределы 40-х годов VI в. до н.э. Вопрос о том, насколько все открытые земляные сооружения можно считать жилыми, остается дискуссионным. Тем не менее то, что в настоящее время они составляют наиболее ранний этап строительной деятельности, зафиксированный *in situ* на территории Ольвии, является фактом.

⁶⁶ Hansen M.H. The Copenhagen Inventory of *Poleis* and the *Lex Hafniensis de Civitate* // The Development of the *Polis* in Archaic Greece / Ed. L.G. Mitchell, P.J. Rhodes. L.–N.Y., 1997. P. 18.

⁶⁷ Wilson. Op. cit. P. 205.

⁶⁸ Крапивина В.В., Буйских А.В. Предварительные итоги исследования юго-восточной части Верхнего города Ольвии (1982–1996) // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса, 1997. С. 123; Буйских А.В., Крапивина В.В. О восточногреческой керамике из раскопок Ольвии (новые материалы) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Материалы IX Международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 2001. С. 48.

Исходя из сказанного, считаю возможным присоединиться к мнению А.С. Русевой и констатировать, что от момента своего основания на рубеже первой – второй четвертей или в начале второй четверти VI в. до н.э. Ольвия являлась городом – центром полиса. Об этом свидетельствует прежде всего тот факт, что из зоны жилой застройки на верхнем плато изначально была вычленена значительная по площади территория, отведенная под общественное строительство. Часть этой территории была освоена немедленно – это и был Западный теменос, еще более значительная часть была зарезервирована. На этом месте по прошествию чуть более 50 лет формируется новый теменос (Восточный) и агора.

Функции агоры нуждаются в более подробном освещении, так как в современной историографии существует несколько различных точек зрения по этому вопросу. Традиционно агора трактуется как выделенное на территории города открытое пространство, часть которого могли занимать святилище с алтарем (алтарями) и храмом, а также орхестра⁶⁹. Начиная от гомеровских времен агора служила местом проведения различных праздников гражданской общины, позднее, в архаическую эпоху, явилась символом сформировавшегося автономного полиса⁷⁰. При этом, как правило, общественные сооружения (кроме культовых) раннего времени на агоре или в ее ближайшем окружении не известны. Только в эпоху классики, а в основном в эллинистическое время вокруг агоры появляются булетерии и сооружения для магистратур. Следовательно, агора была изначально местом общего собрания граждан, постепенно приобретая административные и позднее, в эллинистическое время – торговые функции⁷¹.

Согласно другому мнению, функции агоры связаны в основном с экономической деятельностью – агора не входит в необходимый перечень тех градостроительных элементов, которые определяют существование и функционирование государственных институтов⁷². Тем не менее агора как место общего собрания граждан в широком смысле свидетельствует о ее важнейшей общественно-политической, а не только экономической нагрузке в городской инфраструктуре.

Однако уже только сам факт наличия агоры в Ольвии отделяет ее от планировочной структуры остальных сельских поселений. Такая ситуация соответствует общепринятой модели колонизационной практики, согласно которой территория города изначально делилась на несколько функционально различных зон, предназначенных для жилой застройки, организации общественного центра(ов), и зоны для отправления культа⁷³. Для Ольвии, правда, как и в других северопричерноморских колониях, нет свидетельств о проведении двух других не менее важных мероприятий, известных по литературным моделям основания колоний – строительства оборонительных сооружений и разделения городской

⁶⁹ Kolb F. *Agora und Theater, Volks- und Festversammlung*. B., 1981. S. 2 ff.

⁷⁰ Martin R. *L'urbanisme dans la Grèce antique*. P., 1956. P. 268.

⁷¹ Kenzler U. *Vom dörflichen Versammlungsplatz zum urbanen Zentrum. Die Agora im Mutterland und in die Kolonien // Die Ägäis und das westliche Mittelmeer. Beziehungen und Wechselwirkungen 8. bis 5. Jh. v. Chr. / Hrsg. F. Krinzinger. Wien, 2000. S. 27 f.*

⁷² Hansen M.H., Fischer-Hansen T. *Monumental Political Architecture in Archaic and Classical Greek Poleis. Evidence and Historical Significance // From Political Architecture to Stephanus Byzantius. Sources for the Ancient Greek Polis / Ed. D. Whitehead. Stuttgart, 1994 (Historia Einzelschriften. 87). P. 46.*

⁷³ Malkin I. *Religion and Colonization in Ancient Greece*. Leiden, 1987. P. 183.

территории на гражданские наделы⁷⁴. Несмотря на это, планомерное развитие Ольвии как цельной градостроительной структуры с момента ее основания мне представляется очевидным.

Новая хронология строительной деятельности на территории Ольвии заставляет также и несколько изменить существующие представления о хронологическом распределении поселений сельской округи и по-новому поставить вопрос о начальном этапе существования хоры Ольвии. В последнее время стало уже практически общепринятым мнение, что поселения, возникшие на берегах Березанского лимана, т.е. территориально неподалеку от Березани, составляли хору Борисфена⁷⁵. Традиционно считалось, что все они возникли ранее Ольвии. Для приверженцев мнения о полисном статусе Борисфена уже в первой половине VI в. до н.э. это обстоятельство явилось одним из аргументов, подтверждающих, что на Березани изначально существовал или планировался полис⁷⁶. На основании тех же фактов С.Л. Соловьев, пришел, однако, к совершенно противоположным выводам. Согласно его точки зрения, для увеличения объема торговли с варварами в первой половине VI в. до н.э. были основаны Ягорлыцкое поселение, Широкая Балка, и Бейкуш⁷⁷. В последних работах он упоминает только Широку Балку как «торговую станцию»⁷⁸, зависимую от Борисфена.

На этом вопросе следует остановиться подробнее. Ягорлыцкое поселение, возникшее на левом берегу Днепровского лимана не позднее первой четверти VI в. до н.э., имело ярко выраженный производственный характер⁷⁹. Бейкушское поселение, отдельные материалы которого датируются первой половиной VI в. до н.э.⁸⁰, а массовый материал – третьей четвертью этого столетия⁸¹, имело не менее ярко выраженную культовую направленность, связанную с отправлением культа Ахилла. Датировка поселения у Широкой балки, расположенного в 1,5 км к югу от Ольвии, первой половиной VI в. до н.э., предложенная в свое время Б.М. Рабичкиным, должна быть пересмотрена в свете новых данных и определена как конец второй четверти – середина этого столе-

⁷⁴ О литературных моделях основания колоний и конкретной градостроительной практике см. Кошеленко Г.А. Градостроительная структура «идеального полиса» (По Платону и Аристотелю) // ВДИ. 1975. № 1. С. 3 сл. О применении этой модели в Ольвии см. Крыжицкий, Отрешко. Ук. соч. С. 3–4.

⁷⁵ Эта традиция идет от В.В. Лапина, утверждавшего, что ближайшие окрестности с материком «могут использоваться как сельскохозяйственная территория»; Лапин. Ук. соч. С. 183; см. также Крыжицкий, Отрешко. Ук. соч. С. 11; Отрешко В.М. Хора Ольвии // Археология Украинской ССР. Т. 2. Скифо-сарматская и античная археология. Киев, 1986. С. 317; Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Отрешко В.М. Античные поселения Нижнего Побужья (Археологическая карта). Киев, 1990. С. 42; Solovyov. Ancient Berezan. P. 93.

⁷⁶ Крыжицкий, Отрешко. Ук. соч. С. 11; Русаева. Милет – Дидимы – Борисфен – Ольвия... С. 49–50.

⁷⁷ Solovyov. Archaic Berezan... P. 218.

⁷⁸ Solovyov. Ancient Berezan. P. 63; Соловьев. Из истории полисов... С. 98. Прим. 9.

⁷⁹ Островерхов А.С. К вопросу о сырьевой базе античного ремесленного производства в районе Днепровского и Бугского лиманов (по материалам Ягорлыцкого поселения) // ВДИ. 1979. № 3. С. 115 сл.; Рубан В.В. О датировке Ягорлыцкого поселения // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980. С. 104 сл.

⁸⁰ Русаева А.С. Разведки и раскопки поселения близ Ольвии // Археологические исследования на Украине в 1968 г. Вып. III. Киев, 1971. С. 182.

⁸¹ Bujkisch S. Das Achilleus-Heiligtum in der Chora von Olbia Pontica aus archaischer Zeit // Problemi della Chora coloniale dall' Occidente al Mar Nero. Atti del XL Convegno di Studi sulla Magna Grecia. Taranto, 2001. S. 317 ff.

тия⁸². К этому выводу пришли А.С. Русяева и С.Н. Мазарати в результате последних работ на поселении⁸³. Их заключение о том, что «эта территория постоянно являлась ближней хорой Ольвии» осталось незамеченным С.Л. Соловьевым. Из сказанного следует, что ни Широкая Балка, ни тем более Бейкуш не имели никакого отношения к хоре Борисфена и не могут подтверждать идею об их заселении «греками-торговцами», поскольку оба эти поселения синхронны Ольвии, а Бейкуш, кроме того, имел ярко выраженную сакральную функцию⁸⁴. Как видно, ранее Ольвии возник лишь один Ягорлык, однако связывать его с хорой в смысле развития сельскохозяйственной территории также нельзя. Все те поселения, которые можно связывать с развитием собственной сельскохозяйственной базы (а к ним можно добавить еще и ряд других поселений, появление которых датируется не позднее середины VI в. до н.э.⁸⁵), возникают **синхронно** с Ольвией или **позднее**. География их распространения также опровергает тезис об их территориальной близости с Березанью, так что ни топографический, ни хронологический фактор не дают оснований связывать их с хорой Борисфена, а только с **хорой Ольвии**. С другой стороны, это обстоятельство подтверждает мысль о том, что Ольвия изначально мыслилась как **центр полиса** – государственного образования с необходимой внутренней территорией, предназначенной для развития собственного сельского хозяйства.

К числу факторов, свидетельствующих о наличии полисных структур в Нижнем Побужье, рядом авторов относится и появление местного денежного обращения. Речь идет о литых бронзовых монетах-стрелках, зарождение которых в среде греков-переселенцев, а также их символическая связь с культом Аполлона Врача, покровителя колонизационного движения в северо-западном регионе Черного моря, следует считать уже фактом доказанным⁸⁶. Поскольку литые монеты-стрелки хронологически предшествуют другому типу литых монет – дельфинчикам, было высказано предположение, что первые производились в Борисфене, а вторые – в Ольвии, будучи связанными с культом Аполлона Дельфиния⁸⁷. Начало выпуска монет-стрелок относится к первой половине VI в. до н.э., а смена же их дельфинчиками датируется по-разному – серединой этого столетия⁸⁸ или его третьей четвертью⁸⁹. Представляется,

⁸² Рабичкин Б.М. Поселение у Широкой Балки // КСИИМК. 1951. 40. С. 122–124. «У нас нет еще достаточных оснований категорически утверждать, что поселение у Широкой Балки возникло раньше Ольвии, хотя на это дают право отдельные вещи и многие строительные остатки, датируемые более ранним временем, чем памятники, известные на Ольвийском городище».

⁸³ Русяева А.С., Мазарати С.Н. Археологические исследования у Широкой Балки близ Ольвии // Ольвия и ее округа. Киев, 1986. С. 47 сл.

⁸⁴ Попытка С.Л. Соловьева объяснить, что идеи относительно наличия греков-торговцев на Широкой Балке («прибывающие из-за моря торговцы и экипажи кораблей», Рабичкин. Ук. соч. С. 124) не подтвердились раскопками А.С. Русяевой и С.Н. Мазарати «из-за сильных природных разрушений этого участка побережья Бугского лимана» (Соловьев. Из истории полисов... С. 98. Прим. 9), представляется просто несерьезной.

⁸⁵ Крыжицкий, Буйских, Отрешко. Ук. соч. С. 12 сл.

⁸⁶ См. с соответствующей литературой: Анохин В.А. Монеты-стрелки // Ольвия и ее округа. Киев, 1986. С. 83 сл.

⁸⁷ Рубан В.В. О хронологическом соотношении литых стрело- и дельфиновидных бронзовых монет на территории Нижнего Побужья // Нумизатика античного Причерноморья. Киев, 1982. С. 18; Русяева. Милет – Дидимы – Борисфен – Ольвия... С. 49; Анохин. Ук. соч. С. 83–84.

⁸⁸ Рубан. О хронологическом соотношении... С. 17.

⁸⁹ Анохин. Ук. соч. С. 85.

что и в этом случае необходимы хронологические коррективы – очевидно, что начало выпуска монет-стрелок хронологически совпадает с появлением Ольвии. Поэтому единственным аргументом в пользу того, что монеты-стрелки изготавливались на о-ве Березань, является повторяемое из работы в работу мнение: количественно их найдено там больше, чем в Ольвии. Однако до сих пор никто не производил подсчета найденных в Ольвии монет-стрелок, при том, что дельфинчиков здесь действительно обнаружено больше в силу хотя бы их более длительной циркуляции. Между тем редкий полевой сезон в Ольвии обходится без находок монет-стрелок. Но даже если монеты-стрелки и производились в Борисфене, этот факт не может свидетельствовать о существовании там полиса. Известно, что монеты сами по себе не являются показателем наличия полисной структуры, поскольку многие полисы в течение длительного времени не имели своей собственной монеты, а пользовались монетами иногородними⁹⁰. Помимо официальной государственной чеканки, монеты выпускались различного рода федерациями, союзами, святилищами, наконец частными лицами⁹¹. С моей точки зрения, более серьезным аргументом «за» или «против» наличия полиса являются не монеты, а тот культ, с которым они самым тесным образом были связаны.

Современные представления о развитии культа Аполлона Врача в Ольвии, его связи с колонизационным освоением Северо-Западного Причерноморья и Нижнего Побужья в значительной степени сформировались благодаря работам А.С. Русяевой. В контексте исследуемой проблемы особый интерес представляют наиболее ранние граффити, прямо свидетельствующие о времени начала почитания этого культа. Это прежде всего посвященные граффити первой четверти – середины – третьей четверти VI в. до н.э. из Борисфена, а также несколько граффити аналогичного содержания на фрагментах сосуда первой половины и архитектурной терракоте третьей четверти этого столетия из Западного теменоса Ольвии⁹². Как видно, все эти памятники также синхронны времени возникновения Ольвии.

В этой связи вновь приходится вернуться к недавним работам С.Л. Соловьева, аргументация которого, в частности игнорирование археологических и ранних эпиграфических источников, происходящих из Борисфена, представляется некорректной. Желая доказать, что комплекс эллинской материальной культуры первых трех четвертей VI в. до н.э., за исключением кружалной керамики, на Березани представлен «rather weakly», в своей монографии он пишет лишь о редких находках ремесленных изделий из металла, стекла и кости, а также очень редких находках терракот и других следов религиозной активности на Березани⁹³. В последней же статье на русском языке аргументация несколько видоизменена: мнение о том, что «немногочисленные свидетельства эллинской духовной культуры первой половины VI в. до н.э. – это почти ис-

⁹⁰ Martin Th.R. Coins, Mints, and the Polis // Ed. M.H. Hansen. Sources for the Ancient Greek City-State. Symposium August, 24–27 1994. Acts of the Copenhagen Polis Centre, 2. Copenhagen, 1995. P. 275 f.

⁹¹ Ibid. P. 282. Нельзя не вспомнить и мнение Анохина о том, что монеты-стрелки могли быть результатом частного, а не государственного выпуска – Анохин. Ук. соч. С. 85.

⁹² Русяева. Милет – Дидимы – Борисфен – Ольвия... С. 39 сл.; она же. Эпиграфические памятники // Культура населения Ольвии и ее округа в архаическое время. Киев, 1987. С. 141.

⁹³ Solovyov. Ancient Berezan. P. 55–56.

ключительно памятники эпиграфики, представленные главным образом граффити, большую часть которых составляют отдельные буквы и их сочетания, чаще всего неясного значения»⁹⁴, подкреплены рядом ссылок, последняя из них – на те страницы работы А.С. Русяевой, где она действительно пишет о граффити, но магического содержания, в том числе и березанских, значение которых «вряд ли с точностью можно интерпретировать и расшифровать»⁹⁵. В то же время автор снова предпочел не заметить, что в той же статье А.С. Русяевой, пятью страницами выше, опубликованы граффити первой половины VI в. до н.э. из Борисфена и Ольвии вполне ясного содержания – с посвящениями Аполлону Врачу⁹⁶. Эти же граффити подробно рассматриваются и в ее монографии, также почему-то не упоминаемой автором⁹⁷. Далее следует еще один вывод С.Л. Соловьева: «Правда, в составе этих памятников известны отдельные надписи сакрального, владельческого и даже экономического содержания, в которых, однако, отсутствуют точные, с моей точки зрения, бесспорные сведения о существовании в это время Березанского или Ольвийского полиса, но, разумеется, не самих греческих колоний того или иного типа, например, торговых станций»⁹⁸.

О «торговых станциях» типа Широкой Балки, фантомах, родившихся в период расцвета «эмпириальной теории», уже говорилось выше, что же касается «отдельных надписей сакрального содержания», то необходимо еще и еще раз подчеркнуть, что посвящения в честь Аполлона Врача, происходящие из Борисфена и Западного теменоса Ольвии, при том, что их действительно немного, бесспорно свидетельствуют не только о том, что это божество было самым ранним покровителем обитателей обеих колоний, но также и о том, что сакральная зона, исследованная в Ольвии, являлась местом официального отправления этого культа с необходимым культовым праздником. Последний же мог отправляться только на средства гражданской общины.

Здесь необходимо несколько подробнее остановиться на проблеме ранних культовых сооружений. Как видно, именно они на начальном этапе являются реальным отражением урбанистических процессов, происходивших в северо-причерноморских колониях. В настоящее время неоспоримым фактом является существование и в Ольвии, и в Борисфене теменосов – окруженных оградой священных зон, непременным атрибутом которых, помимо архитектурно оформленного входа и дополнительных (второстепенных) сооружений типа ботросов, являются храм и находящийся в непосредственной близости от последнего алтарь⁹⁹. Именно открытие теменоса (наряду с установлением полисного характера культа) позволили А.С. Русяевой прийти к выводу об изначальном существовании в Ольвии полиса как городской структуры. Недавнее же открытие теменоса на Березнани и определение на основании косвенных данных его посвящения Афродите¹⁰⁰, позволяют сделать тот же вывод и для Борисфена, тем более, что дата сооружения этого храма (последняя четверть VI в. до н.э.) соответствует времени появления там регулярной планировки.

⁹⁴ Соловьев. Из истории полисов... С. 98.

⁹⁵ Русяева. Эпиграфические памятники. С. 146 сл.

⁹⁶ Там же. С. 141–142.

⁹⁷ Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С. 16, 31.

⁹⁸ Соловьев. Из истории полисов... С. 98.

⁹⁹ О структурообразующих элементах теменосов архаического времени см. Bergquist B. The Archaic Greek Temenos. A Study of Structure and Functions. Lund, 1967. P. 5 ff.

¹⁰⁰ Назаров В.В. Святилище Афродиты в Борисфене // ВДИ. 2001. № 1. С. 154 сл.

К сказанному могу также добавить, что, помимо теменосов, и в Ольвии, и в Борисфене существовал еще один тип монументальных сооружений, неизвестный абсолютному большинству исследователей вплоть до настоящего времени. Речь идет о монументальных алтарях – эти памятники археологически не открыты, однако о том, что они не просто существовали, а появились в обоих центрах синхронно, безоговорочно свидетельствуют находки их карнизов. Эти детали происходят из раскопок Ольвии Б.В. Фармаковским в 1905 г.¹⁰¹ и раскопок Березани В.В. Лапиным в 1971 г.¹⁰² Части алтарных карнизов известны также по последним раскопкам Ольвии¹⁰³. Все они имеют надежно датированные аналогии в комплексах архитектурного декора алтаря Посейдона на мысу Монодрендра и Дидимейона¹⁰⁴, что и позволяет предложить датировку наших деталей в пределах 40-х годов VI в. до н.э.

Следовательно, процессы становления монументальной архитектуры с использованием ордерных форм начались в Ольвии и Борисфене одновременно и стилистически были ориентированы на Милет. Это позволяет сделать вывод, что не храмы, но алтари являлись самыми ранними наземными сооружениями в городах рассматриваемого региона. Поэтому наличие на Березани теменоса и городская регулярная планировка дают все основания согласиться с теми, кто писал о развитии Борисфена во второй половине или последней четверти VI в. до н.э. как городской структуры¹⁰⁵.

Следовательно, культовые сооружения, составлявшие теменос, и характер планировки жилой застройки в сочетании с общественным центром (центрами) действительно определяют отличие городской поселенческой структуры от сельской – Ольвия, и Борисфен несомненно являлись **полисами (городами)** с точки зрения их пространственной организации. Однако приходится констатировать, что наличие теменосов с храмами само по себе не обязательно свидетельствует о существовании полисной структуры как государственного образования. Уже высказывалось мнение, что наличие только теменоса с храмом в Ольвии не дает оснований делать вывод о наличии в ней государственных структур¹⁰⁶. В этой связи следует также вспомнить мнение В. Буркерта, полагавшего, что храмовое строительство следует расценивать прежде всего как своеобразное стремление «поселить» божество в соответствующем полисе. При этом храмами и теменосами могли обладать и неполисы. В качестве примера В. Буркерт приводит Навкратис, святилища с храмами которого не определяли его политическую структуру, потому что принадлежали расположенным далеко материнским полисам¹⁰⁷. В таком случае, можно ли вообще определять

¹⁰¹ Хранятся в фондах Государственного Эрмитажа, № Ол. 15724.

¹⁰² Хранятся в фондах Музея археологии Института археологии НАН Украины, № АБ/71–58 а, б, в.

¹⁰³ Хранятся в Национальном заповеднике «Ольвия» НАН Украины, происходят из раскопок В.В. Крапивинной и автора (участок Р–25), а также раскопок А.С. Русевой (Западный теменос). См. *Буйских А.В.* О местной архитектурной школе в Северном Причерноморье // Северное Причерноморье в античное время. Киев, 2002. С. 92. Рис. 1, 1, 2.

¹⁰⁴ Milet I. 4. Taf. XIII; *Sneider P.* Neue Funde vom archaischen Apollontempel in Didyma // Säule und Gebälk / Hrsg. E.-L. Schwandner. Mainz, 1996 (Diskussionen zur archäologischen Bauforschung. Bd 6). S. 78 ff.

¹⁰⁵ Подробнее об этом см. *Solovyov.* Ancient Berezan. P. 79.

¹⁰⁶ *Крыжицкий, Лейпунская.* Нижнее Побужье в архаическое время. С. 88.

¹⁰⁷ *Burkert W.* Greek *Poleis* and Civic Cults: Some Further Thoughts // *Studies in the Ancient Greek Polis* / Ed. M.H. Hansen, K. Raaflaub Stuttgart, 1995 (Historia Einzelschriften. 95). P. 205–206.

полис как государственную структуру, зависимую или независимую, опираясь на его архитектурно-строительную деятельность? Представляется, что на этот вопрос можно ответить утвердительно, снова обратившись к проблемным разработкам копенгагенского Полис-центра.

В понятие «политическая архитектура» входят прежде всего те сооружения или отдельные градостроительные элементы, которые свидетельствуют о функционировании соответствующих государственных институтов. Это пританей, булевтерий, агора, театр, эkkлeсиастерий, дикастерий, стоя. Специальный анализ, предпринятый М. Хансеном и Т. Фишер-Хансеном показал, что, несмотря на их необходимость, только в очень немногих полисах архаического и классического времени такие сооружения известны, а кроме того, раскопаны и соответствующим образом атрибутированы¹⁰⁸. Поэтому при анализе градостроительного развития Ольвии и Борисфена раннего этапа нельзя игнорировать те косвенные данные, прежде всего археологические, которые могут дать необходимую информацию. Выше я уже упоминала и считаю необходимым подчеркнуть еще раз, что агора как изначальное место собрания гражданского коллектива была зарезервирована и выведена из зоны окружающей жилой застройки еще при первоначальном распределении городской территории, т.е. от момента основания города. Параллельно с возникновением Ольвии происходит и организация ее сельскохозяйственной зоны, причем поселения возникают в пределах территории, маркированной пограничными святилищами *extra-urban*, целью которых являлась сакральная защита полисных владений¹⁰⁹. Именно эти данные, с моей точки зрения, свидетельствуют о том, что Ольвия изначально планировалась не только как **город**, но и как **центр полиса** – государственного образования.

Чем же в таком случае являлся Борисфен? Мне представляется, что все рассмотренные выше факты, позволяющие с разных позиций сравнивать обе поселенческие структуры, развивавшиеся как города, дают возможность заключить, что Борисфен тем не менее в течение всего доримского этапа своего существования являлся только **эмпорием**, с безусловным доминированием торговли и ремесленного производства, зависимым сначала от материнского полиса – Милета, а после основания Ольвии – от нее. В этом плане ближе всех к определению сущности Борисфена находились Ю.Г. Виноградов и Л.В. Копейкина. Моя точка зрения отличается от высказанной Виноградовым лишь в том, что и на самом раннем этапе, от момента своего основания в третьей четверти VII в. до н.э., Борисфен был эмпорием. Ни находки ремесленных изделий, ни сельскохозяйственных орудий, которые, кстати, также могли быть предметом ремесленного производства, не могут, с моей точки зрения, отодвинуть на второй план роль этого памятника как центра посреднической торговли с хинтерландом, особенно на раннем этапе его существования. В этой связи не может показаться столь уж невероятным и предположение об аналогичном назначении поселения, основанного в третьей четверти VII в. до н.э. на берегу Таганрогского залива¹¹⁰.

¹⁰⁸ *Hansen, Fischer-Hansen*. Op. cit. P. 30 ff.

¹⁰⁹ *Руслева А.С.* Идеологические представления древних греков Нижнего Побужья в период колонизации // Обряды и верования древнего населения Украины. Киев, 1990. С. 41 сл.; *Буйських С.Б.* Святилища *extra-urban* епохи грецької колонізації Нижнього Побужжя // *Археологія*. 2004. № 3. С. 3 сл.

¹¹⁰ *Kopylov V.P.* The Place of the Taganrog Settlement within the System of the Early Greek Colonies in the Region to the North of the Black Sea // *Ancient Civilizations From Scythia to Siberia*. Leiden (Brill), 1999. 6, 1–2. P. 1 ff.

В заключение остается добавить, что предлагаемая работа ни в коем случае не претендует на окончательное решение проблемы «эмпорий–полис» в Северо-Западном Причерноморье. Ее цель – показать одно из возможных направлений, а также то, что роль постоянно меняющихся археологических источников в решении сложных проблем древней истории нельзя недооценивать.

SOME POLEMICAL NOTES ON THE ORIGIN AND DEVELOPMENT OF BORISTHENES AND OLBIA

A. V. Buyskikh

The article deals with some problems connected with the development of Boristhenes and Olbia during the colonization period. Analysing old and recent archaeological data obtained in Olbia, the author makes an attempt to review the generally accepted chronology. Remains of buildings connected with dwelling, economical activities and cult prove that Olbia was founded in the second quarter of the 6th c. BC. This means that the development of agricultural area, whose early period is traditionally connected with Boristhenes and the later one with the latter, can be connected only with Olbia, for the earliest settlements were contemporary with this city. The origin of Olbia corresponds chronologically to the establishment of the polis cult of Apollo the Healer (A.S. Rusyayeva), to the coin-like arrow-shaped metal pieces related to it by their semantics (V.A. Anokhin), and a system of extra-urban sanctuaries marking the borders of the Olbian *chora* (S.B. Buiskikh). A free area reserved in the centre of Olbia which was used for the agora in the early 5th c. BC, is another fact that makes it possible to maintain that Olbia had been originally conceived as a polis centre. Commercially oriented Boristhenes, which did not have its own *chora*, should be regarded as an emporium depending first on Miletus, and after the foundation of Olbia on the Olbian polis. This thesis is in the line of L.V. Kopeikina's and Yu.G. Vinogradov's ideas. The dynamics of dwelling-houses and cult buildings shows that Boristhenes and Olbia were developing as city centres.

© 2005 г.

А. К. Нефёдкин

МЕТАТЕЛИ И САРИССОФОРЫ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПЕХОТИНЦЕВ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ АРМИЯХ

Данная статья посвящена рассмотрению некоторых «нетипичных» строев македонской фаланги. Они нетипичны в том плане, что построение фаланги, базировавшейся на тактике фронтального удара, расчленялось в одном случае отрядами метателей, а в другом – легковооруженные входили внутрь построения фалангитов. Мы рассмотрим боевое построение Пирра во время его италийской кампании и позднюю фалангу Александра Великого и попытаемся выяснить, с какой целью они были созданы.

В классической македонской фаланге было 16 384 гоплита (Ascler. Tact. 2. 7; Ael. Tact. 8. 3; Ag. Tact. 9. 5). Такое же количество гоплитов имели и фаланги Селевкидов (Liv. XXXVII. 40. 1; App. Sog. 32) и Антигонидов (Liv. XXXIII. 4. 4). В таком построении при стандартной глубине в 16 человек на фронте стояла тысяча воинов, занимавшая по ширине около 900 м. Из сообщения Асклепиодота (Tact. 4. 4) можно сделать вывод, что между подразделениями фаланги, по